

МУЗЫКА Г. Свиридова день ото дня становится все более популярной среди самой широкой слушательской аудитории. Сердечная, строгая, подчиняющаяся только законам правды, красоты и ясности чувств, глубоко русская по духу, исполненная мужественного изящества и целомудрия, она вызывает в каждом, кто хоть раз почувствовал это, желание слушать еще и еще.

Поэтому каждый концерт из произведений композитора становится для слушателей праздником желанным, особенно когда в нем принимает участие сам автор — неповторимый пианист, игре которого присущи те же свойства, что и его музыки.

Два таких концерта состоялись в Ленинграде в начале мая. В исполнении И. Архиповой и автора прозвучали песни на стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Твардовского, Исаакяна. Написанные в разные годы, они стали уже классикой советской музыки. Вероятно, нет дня в году, чтобы они не звучали по радио, по телевидению, с пластинок, с концертной эстрады, в классах консерваторий, на курсах вокалистов, И тем не менее привыкнуть к ним невозможно — так велика сила их свежести. Не устаешь поражаться умению композитора соединять воедино два прекрасных искусства — поэзию и музыку, где слово и звук совершенно раскованны, независимы друг от друга и вместе с тем предельно сполчненны. Это не подбор подходящих стихов на подпадающие стихи, а музыка, выплывающая из поэзии, бутон, венчающий стебель цветка.

Вообще, размышляя о сути творчества Г. Свиридова, невольно начинаешь думать о нашей природе. И не только потому, что она воспета с любовью и страстью верного сына. В последние годы стали говорить о сохранении природы после того, как долго ее переделывали, модернизировали, эксплуатировали и уничтожали. И вот творчество Г. Свиридова имеет непреходя-

ЕГО ОРУЖИЕ — МУЗЫКА

ПО КОНЦЕРТНЫМ
ЗАЛАМ

шее значение прежде всего в этом смысле — сохранение изначальной музыкальной природы, защита ее от отравляющего воздействия далеко не чистой современной музыкальной среды, густо наполненной всяческими открытиями и поисками, зачастую эффектными и роскошными, но далеко не безобидными, ибо новое — не всегда означает нужное и хорошее.

Музыка — дар природы, и, как природа, беззащитна так же, как природа, может быть обезображена, зачастую причина того — в стремлении к новаторству во что бы то ни стало. Недавно в одной из канцелярий, устроенной в бывшем богатом особняке, довелось мне видеть следующее: на одной из стен отошел пластик. Из-под него виднелась масляная краска, а под нею очень красивый... мрамор. Зал когда-то был отделан мрамором. Благодаря неистовому желанию нескольких поколений завхозов шагать в ногу со временем была обезображена подлинная красота, живая красота камня, поддержка которой не требовало, кстати, никаких затрат. Ущерб, таким образом, двойной.

Так вот творчество Г. Свиридова направлено как раз против таких представлений о красоте и новаторстве, ныне проникающих не только в быт, но и в музыкальное искусство. Таким образом, и эстетическое значение музыки Свиридова велико: она отрицает мишуру, излишества, она против бутафории, она показывает и отстаивает красоту бытия, наполненного только необходимыми.

О творчестве Г. Свиридова много и жестоко спорят.

Ученые-музыковеды утверждают, что сейчас в творчестве он таков же, каким был 40 лет назад. Д. Д. Шостакович назвал Г. Свиридова «новатором во всем». Самое поразительное в том, что эти, казалось бы, полярные точки зрения абсолютно верны. Мы отвыкли от стабильности в безудержном движении, редко оглядываемся назад, не обращаем внимания на потери, не поднимаем оброненное в надежде, что найдется замена утраченному. Г. Свиридов — один из первых художников, который по-своему почувствовал боль от этих незамеченных утрат и одним из первых начал свою особенную сохранительную работу. Так была создана страна музыки Г. Свиридова. В ней все, как весной, — все то же, но все новое. И в этом суть новаторства композитора.

Сейчас Г. Свиридов в расцвете творчества. По-прежнему главное оружие его музыки — человеческий голос, этот, по выражению Н. Рубинштейна, «лучший и совершеннейший инструмент, данный нам на утешение и развлечение предусмотрительностью промысла». Ждут исполнения есенинские циклы «Светлый гость» и «Отчалившая Русь». В прошлом сезоне прозвучал и сразу покорила любителей и знатоков грандиозный «Пушкинский венок» для хора без сопровождения.

Недавно состоялась ленинградская премьера «Ночных облаков». Известие о триумфальном успехе этой кантаты на стихи А. Блока в Москве подогревал интерес ленинградских любителей к этому сочинению, тем более что звучало оно в исполнении Московского камерного хора под руко-

водством Владимира Минина, одного из лучших хоровых коллективов нашей страны. Действительность превзошла самые смелые ожидания. После первых же звуков зал замер, и это волшебное оцепенение не проходило уже до конца исполнения кантаты.

«Хочу очистить ноту», — сказал как-то композитор. Он это делал и прежде, освобождая ее от суетных движений, от безликого блуждания среди себе подобных, от затерянности, запутанности, неуверенности, неустойчивости, поднимал ее достоинство, заставлял говорить в полный голос. И было в этом что-то, очень напоминающее сердечное, человеческое отношение человека к ближнему своему. Но в «Ночных облаках» это «очищение ноты» достигло прямо-таки сказочных результатов. В одном длящемся звуке вы слышите нежность и силу, блаженство и угрозу, вы слышите немислимую игру оттенков, множество переливов тишины, вы слышите звучащую тишину. Это похоже на колдовство. Это задумано композитором и блестяще осуществлено хором.

О чем «Ночные облака»? Если сказать двумя словами: о жизни человеческой. О кратковременности земного и вместе с тем о вечной смене и повторяемости. О вечной вахте человечности, о красоте, которая спасет мир. Чувство композитора велико, едино и неделимо, оно не распадается на частные проявления эмоций. Это кажущееся спокойствие — спокойствие мудреца, результат напряженной работы быстрой мысли и нежного сердца, та иллюзия покоя, которая является результатом стремительного внутреннего движения, энергия которого —

в вере в высокую духовность человека и ее непобедимость.

Каждая из пяти частей кантаты — образец филигранной профессиональной работы. Хоровая партия таит красоты, которые ни у кого в долг не возьмешь, которым нигде не научишься, — это построено наново, это можно лишь сотворить. Работу композитора хочется назвать ручной. Как всякому рукоделу, ей присуща тщательность выделки, разнообразие элементов, артистизм в деталях. Все до мелочей прослежено глазом и обласкано руками умельца.

Г. Свиридов — композитор русский и, как всякий подлинно русский композитор, сохраняет связь с народной музыкой. Сегодня многие композиторы обращаются к фольклору, но зачастую, к сожалению, в надежде прикрыть им пустоты собственного духовного мира. Для других фольклор — модная заплата на одежде.

Для Г. Свиридова фольклор — не панacea от творческой бедности. В его сочинениях он обретает живую, не музейную жизнь. Пуская корни в общечеловеческую музыкальную культуру, он привносит в каждое произведение свои неповторимые свойства — пленительность, но сдержанность, спокойствие, но устремленность, размах, но скромность.

Последователей и приверженцев этических и эстетических начал музыки Г. Свиридова много. Начала эти высоки и прекрасны, потому что человечны и продиктованы современной жизнью, ее радостями, заботами и тревогами. Чуткий ко времени, художник по-своему отвечает на них, защищая «разумное, доброе, вечное». Защищает своей музыкой. Как-то он сказал: «Наше оружие — наша музыка».

Пусть будет в мире побольше такого оружия.

В. ГАВРИЛИН,
лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор